

УДК 821.512.36

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-154-162

«ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТАТУС» ПЕРСОНАЖЕЙ ОЙРАТСКОГО ПАМЯТНИКА «СКАЗАНИЕ НЕКТАРНОГО УЧЕНИЯ»

© Бадма Меняев

“INDIVIDUAL STATUS” OF THE CHARACTERS FROM THE OIRAT MONUMENT “THE TALE OF THE NECTAR TEACHING”

Badma Menyayev

For the first time, this article has presented the experience of describing the internal and external features of the characters in the Oirat monument “The Tale of the Nectar Teaching” from the point of view of their individual qualities, based on the well-known work “The System of Characters of the Russian Fairy Tale” (2001) by the Russian folklorist E. S. Novik. The analysis is based on three unpublished copies of the monument, stored in the Scientific Library of the Oriental Faculty of St. Petersburg State University, the Manuscript Fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences and the State Archives of the Republic of Tatarstan. Lexicographic works and dictionaries were used as additional materials for interpreting the names of the Buddhist characters. As a result of the analysis, we have come to the conclusion that for the intra-plot functioning of the characters, it is important to take into account not only the role they play in the given plot (episode), but also the individual characteristics they are endowed with, since they correspond to those actions (conflict situations) in which the characters take part. The individual features of the character not only determine the nature of the plot, but they can also change in the course of its development, since each character is a bundle of characteristics that can easily disintegrate or be completed. We believe that the results obtained will serve as the basis for further research into the family, class and local states of the characters in the Oirat monument “The Legend of the Nectar Teaching.”

Keywords: Oirat monument “The Tale of the Nectar Teaching”, archival materials, copies, system of characters, plots, “individual status”

В настоящей статье впервые на основе известной работы российского фольклориста Е. С. Новик «Система персонажей русской волшебной сказки» (2001) представлен опыт описания внутренних и внешних характеристик персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного Учения» с точки зрения их индивидуальных качеств. Материалом для анализа послужили три неопубликованных списка памятника, хранящихся в Научной библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН и Государственном архиве Республики Татарстан. В качестве дополнительных материалов для интерпретации имен буддийских персонажей использовались лексикографические работы и словари. В результате анализа автор пришел к выводу, что для внутрисюжетного функционирования персонажа важным является не только то, какую роль он выполняет в данном сюжете (эпизоде), но и то, какими индивидуальными признаками он наделен, так как именно они соответствуют тем действиям (конфликтным ситуациям), в которых персонаж принимает участие. Индивидуальные признаки персонажа не только определяют характер сюжета, они могут меняться в ходе его развития, так как каждый персонаж – пучок признаков, которые могут легко распадаться или комплектоваться. Автор считает, что полученные им результаты послужат основой для дальнейшего исследования семейных, сословных и локальных состояний персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного Учения».

Ключевые слова: ойратский памятник «Сказание нектарного Учения», архивные материалы; списки; система персонажей, сюжеты; «индивидуальный статус»

Для цитирования: Меняев Б. «Индивидуальный статус» персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного учения» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 154–162. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-154-162

В Государственном архиве Республики Татарстан (ГБУ «ГА РТ») среди письменных памятников на ойратском «ясном письме»¹ хранится рукописный сборник «Буддийские легенды на калмыцком языке» [1]. Сборник имеет форму тетради. На обложке указаны название архива, инвентарный номер, название дела и дата. Титульный лист из плотной желтоватой бумаги. В середине листа на кириллице указано название сборника «Буддийския легенды на Калмыцком языке» и дата – 15 марта 1870 г. В нижнем левом углу титульного листа шариковой ручкой синего цвета отмечен шифр дела. На следующем листе приводится оглавление на кириллице, в котором указано восемь произведений, относящихся к разным жанрам буддийской литературы. Оглавление составлено согласно ойратской пагинации: 1) Повесть о Хашин-хане – лл. 1–11; 2) Аршан номин тууджи – лл. 11–27; 3) Дорджи джодва – лл. 27–46; 4) Сякюсен – лл. 47–49; 5) Богдо Джибзун Дамба – лл. 49–53; 6) Хоншим бодисатва – лл. 53–55; 7) Оюни зула кемекю шаштар – лл. 56–91; 8) Маанин кюрдун тууджи – лл. 91–94. Следует отметить, что в сборнике имеется также не учтенная в оглавлении христианская молитва, переведенная с русского языка на калмыцкий язык («Молитва к Пресвятой Троице»). По всей видимости, данная молитва была вклеена позже в уже сформированный сборник, что подтверждается различием почерков, тетрадной формой написания, филигранью (Фабрика Сергеева № 6), цветом и плотностью бумаги, а также отсутствием ойратской пагинации. Все тексты ойратских произведений написаны чернилами на «ясном письме» одним неровным почерком на русской бумаге с филигранью (Фабрика Сергеева № 7). В них нет каких-либо исправлений, поэтому можно предположить, что рукопись является беловой. Пагинация ойратская на листах recto без каких-либо украшений. Листы прошиты без учета ойратской пагинации, что создает нарушение их порядка, имеющаяся нумерация арабскими цифрами (лл. 1–93 об.) в верхнем правом углу листов учитывает лишь количество листов в рукописи.

В оглавлении под номером два значится сочинение «Аршан номин тууджи» – «Aršan nomiŷin tuuĵi oršoboŷi» («Сказание нектарного Учения») (далее Список 1) [1, л. 11–26]. Внутри текста сочинения нет каких-либо исправлений, за исключением слова *odōd* на листе 19b: «*ükērti*

abči odōd olon modu cuqluulĵi». – «отнеся на кладбище, собрал много дров» (здесь и далее перевод мой. – Б. М.).

Настоящее сочинение, состоящее из тринадцати произведений, является лишь фрагментом более крупного рукописного сборника «Сказание нектарного Учения». В науке известны наиболее полные списки данного сборника, состоящие из шестидесяти трех произведений: 1) «Aršan nomiŷin tuuĵi oršoboŷi:» («Сказание нектарного Учения») хранится в Научной библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского университета (далее Список 2) [2]; 2) «Aršāni nomiŷin tuuĵi» («Сказание нектарного Учения») хранится в Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН (далее Список 3) [3]. При сличении всех трех списков памятника выяснилось, что тексты Списков 1 и 2 идентичны друг другу, за исключением написания некоторых окончаний слов (слитное/раздельное), Список 3 отличается от первых двух списков пропусками, сокращениями, заменой некоторых слов, а также их различным написанием.

Список 1	« <i>Dēdū blama noyoud-tu morgūmūi: nomiŷin zūq-tū xatuujil üyiledküi kereqtüŷin tuuĵi inu: urida önggö=rōqsön caq-tu Varanase kemekü abxoi balyad bui: töün-dü Sayin Dürsün kemekü xān: ed ĵiryalang-luyā tögösōqsön amitan noyoud-tu köböün metü enerel-tü nigen-dü: Üzeskülen Tögös kemekü xatun kigēd köböün Zalu Üzeskülen kemekü xoyor bui:</i> » [1, л. 1b]. – «Поклоняюсь высшим ламам! Рассказы о совершенных подвигах ради Учения. В давние времена был город Варанаси. В нем <жил> хан, по имени Сайн Дурсун, он был преисполнен богатствами, милосерден к живым существам подобно своему сыну. У него была жена по имени Узесгуленг Тогус и сын по имени Залу Узесгуленг».
Список 2	« <i>Dēdū blama noyoud-tu mürgūmūi: nomiŷin zūq-tū xatoujil üyiledküi kereqteŷin tuuĵi inu: urida önggürōqsön caq-tu Varanase kemekü abxui balyad bui: töün-dü Sayin Dürsün kemekü xān: ed ĵiryalang-luyā tögüsūq=sen amitan noyoud-tu küböün metü eneriltü nigen-dü: Üzeskülen Tögüs kemekü xatun kigēd Zalu Üzeskülen kemē=kü xoyor bui:</i> » [2, л. 1b]. – «Поклоняюсь высшим ламам! Рассказы о совершенных подвигах ради

¹ Ойратское вертикальное письмо «тодо бичиг» (букв. «ясное письмо») было создано в 1648 г. ойратским просветителем Зая-пандитой Намкай Джамцо на основе старомонгольского письма.

	Учения. В давние времена был город Варанаси. В нем <жил> хан, по имени Сайн Дурсун, он был преисполнен богатствами, милосерден к живым существам подобно своему сыну. У него была жена по имени Узесгуленг Тогус и сын по имени Залу Узесгуленг».
Список 3	« <i>Dedü blama nuγud-tu mörgömü. nomiyin züqtü bereke xatuḡal üüldüqsen tuuḡin ünü urdu nöqčiqsen caqtu Varanasei kemeküi abaxu baḡad bui: tüündü Sayin Düürsen kemeküi xan ed jiryalung-luḡa tögö=söqsen aimiten nu=γudtu kübüin mitü ene=raltu: nigendü: Üüsküling kemeküi kübüin bui:</i> » [3, л. 1б]. – «Поклоняюсь высшим ламам! Рассказы о совершенных трудных подвигах ради Учения. В давние времена был город Варанаси. В нем <жил> хан, по имени Сайн Дуурсен. Он был преисполнен богатствами, милосерден к живым существам подобно своему сыну. У него был сын по имени Ускуленг».

Сборник «Arṣāni nomiyin tuuḡi» («Сказание нектарного Учения») представляет собой свод буддийских легенд, волшебных сказок, рассказов и джатак. «Главное назначение таких произведений – наставить слушателей (читателей) в нравственности, милосердии и щедрости на примерах поведения Будды. Сентенция в подобных рассказах весьма доходчива. Такой прием можно объяснить тем, что посредством детального описания нравов людей легко передается смысл причинно-следственной связи. Главная мысль, которая проходит красной нитью через все рассказы сборника, заключается в том, что результатом благих и не благих деяний является добровольный выбор самого человека» [4, с. 76]. Внутри сборника отсутствует какая-либо тематическая классификация. Каждая сюжетная единица сборника содержит определенное количество примеров, «вставных эпизодов», жанровый состав которых разнообразен. Все это позволяет рассматривать сочинение как пример особой жанровой разновидности ойратской литературы «народного буддизма». Какие именно источники послужили основой для составления этого сборника, нам неизвестно, но сюжеты многих его рассказов встречаются в различных сочинениях древнеиндийской и тибето-монгольской литературы (палийские «Джатаки», «Джатакамала» («Гирлянда джатак»), «Панчатантра», «Сутра о мудрости и глупости» («Дзанлундо»), «Комментарии к

«Субхашите»», «Комментарии к «Капле, питающей людей»» и др.).

До настоящего времени не было специальных монографических исследований по изучению памятника «Сказание нектарного Учения». Частично памятник (Списки 1, 2) рассматривался Б. Я. Владимирцовым [5], Д. Ёндоном [6], а также автором настоящей статьи: «Джатаки из ойратского сборника „Сказание нектарного Учения“» (2007), «Притчи из „Сказания нектарного Учения“» (2008), «О некоторых буддийских терминах в ойратском сборнике „Сказание нектарного Учения“» (2008), «Ойратский сборник „Сказание нектарного Учения“: мотив посещения ада» (2008), «О двух списках рукописи „Аршани номийн тууджи“ („Сказание нектарного Учения“)» (2010), «Жанровые особенности ойратского литературного памятника „Сказание нектарного Учения“» (2011), «История изучения ойратского литературного памятника „Сказание нектарного Учения“» (2012).

В настоящей статье впервые на основе известной работы Е. С. Новик [7] представлен опыт описания внутренних и внешних характеристик, определяющих «индивидуальный статус» персонажей «Сказания нектарного Учения» на материале трех списков, хранящихся в Научной библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН и Государственном архиве Республики Татарстан. В качестве дополнительных материалов для интерпретации имен буддийских персонажей использовались лексикографические работы и словари. Описание системы персонажей в настоящем исследовании осуществляется в том виде, в каком они представлены в тексте, независимо от корней, их породивших.

Распределение персонажей в группе «Индивидуальный статус» по системе Е. С. Новик выполняется с помощью двух признаков, содержащих свои оппозиции: особенности внутреннего мира (оппозиция естественный / сверхъестественный) и внешнего облика (антропоморфный/неантропоморфный). Эти две оппозиции четко делят персонажей на сверхъестественные существа, людей, животных, растений и предметы. Оппозиции антропоморфный (с человеческими качествами и признаками) / неантропоморфный (зооморфные, растительные, аморфные) соотносятся с признаком «сверхъестественный».

В ойратском литературном памятнике «Сказание нектарного Учения» («Arṣāni nomiyin tuuḡi») к сверхъестественным существам относятся: божества – *tenggeri noγoud* букв.

‘небожители, боги’ (<тюрк. *tāgri/tāngri* ‘небо, бог’ [8, с. 261] + ойр. *noγoud* ‘показатель множественного числа’) – одни из шести существ буддийской космологии; *Tengeriyin erketü Xormusta (xān)* букв. ‘владыка небожителей Хормуста’ (монг. *Хурмаст* < тюрк. *Qormuzta* < согд. *χwrmzt* ‘верховный небожитель’ [9, с. 115]) – верховное божество; *Olon törölkitöni ezen Esrün kemēkü burxan* букв. ‘повелитель множества рожденных бурхан по имени Эсруа’ (приведенный эпитет *Эсруа тенгрия* «показывают о сложной процедуре его рождения» [10, с. 174]; монг. *Esrū-a* < уйг. *Äzrua* < согд. *Azruwa* < санскр. *Īswara* ‘создатель вселенной в индуизме’ (один из трех высших божеств в индуизме [8, с. 370]) – высшее божество; *Mañzuširi* (монг. *Манзишур* < санскр. *Mañjuśiri* ‘Благовзвучный’ [8, с. 157]) – Манджушри, бодхисаттва олицетворяющий высшую премудрость, персонифицирует всеведение и осуществляет полную просветленность; *Erlig Nomiyin xān (Ezen Erlig ‘хозяин Эрлик’; Üküliyin ezen ‘хозяин Смерти’)* (монг. *Эрлэг* < уйг. *Erklig* ‘Всесильный’ (результат плохих деяний прошлых рождений) [8, с. 368]; тюрк. *erklig* ‘могущество’ [11, с. 180]) – Эрлик, Номин хан, владыка (хозяин) смерти; владыка ада; судья умерших; хранитель Учения [12, с. 252] и др.; вредоносные существа: *hor üzüülüqçi/xor ögöqçi* (монг. *Хор өгөгч* ‘природные духи’ < уйг. *Yakşa* < санскр. *Yakṣa* [8, с. 374]; в калмыцкой мифологии *ягцан* ‘ведьма’) – вредоносные духи, связанные с водой, плодородием, деревьями, лесом, сокровищами и дикой природой; в рассматриваемом нами сборнике *якша* представлен как *покровитель разбойников* [3, л. 12b], *пятьсот якш рубят топорами макара* [1, л. 12b]; *matar* (монг. *матар* < уйг. *matar* < санскр. *makara* ‘морское чудовище’ [8, с. 159]) – фантастическое морское животное. В древнеиндийской мифологии *макар* представлен как существо с телом большой рыбы, со слоновьим хоботом и рогами антилопы; *эрлг нуһуд (erlig < уйг. Erklig ‘Всесильный’ [Там же, с. 368] + noγoud ‘показатель множественного числа’)* – многочисленные служители ада, они изображаются с головами различных животных [12, с. 252]; *birid* (монг. *бирд* < уйг. *birid* < санскр. *preta* ‘голодный дух’) – преты, существа, пребывающие в преддверии ада и испытывающие муки голода и жажды [Там же, с. 249]; *šimnu* (монг. *шимну* < тюрк. *šimnu* < согд. *šmnw/šimani* ‘существо, которое вредит и мешает совершать добродетель’) демон-искуситель, который противостоит буддийской проповеди [9, с. 126]. Слово *шулм* с монгольского переводится как ‘черт, демон, дьявол, бес, ведьма, нечистая сила, злой дух’. Фольклорист С. Ю. Неклюдов считает, что «шу-

лам (*шулум*) восходит к слову *šmnw/šimani* – согдийской форме имени иранского божества тьмы Ангро-Майнью, при принятии согдийцами буддизма отождествленного ими с демоном Марой. Название *шимну* (*шумну*) проникает в буддийскую мифологию средневековых уйгуров, а затем монголов» [13, с. 249] и др.; бодхисаттвы (ойр. *bodhisadv*; монг. *бодисадва* < санскр. *bodhisattva* ‘обладающее бодхичиттой’) – существо, породившее «устремленность к Пробуждению», то есть, достигнув святости, отказавшееся от личного спасения ради спасения других существ: *черепаха-бодхисаттва, антилопа Ру-ру, обезьяна-бодхисаттва, слон-бодхисаттва* и др.; антропоморфные животные, наделенные человеческой речью: *лисы, мыши, пчелы, змеи* и др. В «Сказании нектарного Учения» сверхъестественными свойствами обладают волшебники, которые могут иллюзорно воссоздать мертвых из пучка травы; за четки, изготовленные из шерсти и глины, обмануть алчного монаха. Также чудесными свойствами (превращение в божества во вредоносные существа, наставление на путь истинный и др.) в данном сборнике обладают буддийские учителя и их ученики: *Gerel Sakiqči Burxan* букв. ‘Будда, защищающий свет’ (*Gerel Sakiqči* ‘Защищающий свет’) < тиб. *od srung* букв. ‘Защищающий свет’ – Кашьяпа (санскр. *Kāśyapa*, букв. ‘Земля’; пали *Kassapa*; тиб. *ka shya pa/od srung*), имя одного из прошлых будд, предшествовавшего Шакьямуни [14, с. 37]; *Burxan* (монг. *Бурхан* < уйг. *Burxan* < **bur* < кит. *fo* < санскр. *Buddha*) + *qan* ‘достигший нирваны’ [9, с. 29]) – Будда Шакьямуни (монг. *Шагжамуни* < уйг. *Šikamini* < санскр. *Śākyamuni* букв. ‘Мудрец [из рода] Шакьев’), исторический Будда; *Ananda* (монг. *Ананд* < тиб. *Kun’ngah’bo* < уйг. *Anant* < санскр. *Ananda* ‘блаженство’) – имя одного из любимых учеников Будды Шакьямуни, который, по преданию, на первом буддийском соборе в Раджагрихе, состоявшемся вскоре после смерти Будды, продиктовал все проповеди Будды, составившие раздел сутр буддийского канона [Там же, с. 311]; *Šariyin kübüün* букв. ‘сын Шари’ (< тиб. *sha ri bu* < санскр. *Śāriputra* ‘сын Шари’ (< санскр. *śāri* ‘белая цапля’ + *putra* ‘сын’)) – один из десяти ближайших учеников Будды, прославившийся своей мудростью; прославился вопросами о природе вещей и пустоты, которые задавал Будде во время его бесед с ним [Там же, с. 312]; *Moloni toyin* (монг. *Модгалавана* < тиб. *mo’u’gal i bu chen po* < санскр. *Maudgalayāna* ‘саморожденный сын Маудгальи’) – один из десяти ближайших учеников Будды, по преданию, одаренный чудотворной силой, главный герой произведе-

ний, относящихся к жанру посещения ада на тибетском, монгольском и ойратском языках [Там же с. 317]; *Altan Čidaqči burxan* (санскр. *Kanakamuni* < тиб. *gser thub* ‘обладающий могуществом золота’) – имя будды предшествовавшего Будде Шакьямуни; *Subudhi* (санскр. *Subhuti* < тиб. *Rab ’byor* ‘прекрасная встреча’) – один из десяти ближайших учеников Будды Шакьямуни, один из главных персонажей сутр «Праджняпарамиты»; *Caqlaši ügei gereltü burxan* (санскр. *Amitābha* < тиб. *’od dpag med* ‘Беспредельно сияющий Будда’) – один из главных будд в махаянской традиции. Амиитабха создатель райской страны Сукхавати.

К естественным персонажам в рассматриваемом нами сборнике относятся: люди (ойр. *kümün noγoud*), ханы (ойр. *xān*), принцы (ойр. *xan küböün*), вельможи (ойр. *tüšimel*), домохозяины (ойр. *geriyin ezen*), монахи (ламы (ойр. *blama* < тиб. *bla ma* ‘высший учитель’) – учитель, избавляющий живых существ от страданий и монах, указывающий путь к спасению, глава монашеской общины; *тойны* (ойр. *toyin* < уйг. *toñ* < тиб. *btsung-ba* < санскр. *śramana*) – монахи высокого ранга, *гелонги* (ойр. *dgeslong*, *gelüng* < тиб. *dge-slong* < санскр. *bhikṣu*) – буддийские нищенствующие монахи, порвавшие с миром и соблюдающие 253 монашеских обета; *прамьекабудды* (ойр. *pradikabud* < тиб. *rang sangs rgyas* < санскр. *pratyeka buddha*) – будды, живущие в уединении, достигшие просветления благодаря своим собственным индивидуальным усилиям и не связывающие себя с сангхой и не опирающиеся на Учение Будды; достигнув цели, они не проповедуют Учение и др.), *убаши* (ойр. *ubaši* < уйг. *upasi* < согд. *’wṛ ’su* < санскр. *upāsaka* ‘близкий добродетели’) – мужчина-мирянин, держащий пять обетов (не лишать жизни, не лгать, не брать то, что тебе не дано, не прелюбодействовать, не употреблять алкоголь); брамины (ойр. *birman* < тиб. *bram ze* < санскр. *brahman*) – высший класс в системе из четырех основных каст в древнеиндийском обществе, представитель сословия священнослужителей; еретики (ойр. *ters*, *buruu nomton* ‘иноверец’), торговцы (ойр. *xuduldāči noγoud*) и др.

Неопределенность внешнего облика некоторых персонажей в «Сказании нектарного Учения» восполняется четкой фиксированностью признаков пола (оппозиция мужской/женский) и возраста (оппозиции взрослый/ребенок и старый/молодой). Из сверхъестественных существ божества, учителя и их ученики имеют мужские (*Tengeriyin erketü Xormusta (xān)*, *Mañzuširi*, *Erliq Nomiγin xān*, *Burxan* и др.) и женские облики (*Okin tenggeri* < тиб. *dpal ldan lha mo* ‘прослав-

ленная богиня’) – гневное женское божество, одна из восьми основных дхармапал, защитников Учения Будды, *Tenggeriyin okin Maši Asarangyui* – дочь тенгрия Маши Асарангуй (букв. ‘Весьма милосердная’) и др.). Неверующие, злые, жадные, не жертвующие подаяния монахам девушки и женщины в последующих перерождениях становятся *претами* (ойр. *birid* < уйг. *birid* < тиб. *yi dwags* ‘голодные духи’) – одними из шести классов живых существ, испытывающие мучения голода и жажды. В одном из рассказов «Сказания нектарного Учения» говорится:

«В давние времена у одного домохозяина был сын, который следовал Учению <Будды>, любящий <совершать> подаяния. Его мать, <напротив>, была неверующая, не дающая подаяний. К хуvaraкам относилась, как прет. На их <хуvaraков> просьбы сильно сердилась. Этим самым она накопила грехи зловосия и, умерев, переродилась в прета» [3, л. 26b].

Далее в рассказе описывается внешность женщины-прета: *раздетая, одни кости, в скелете ее пылал огонь, неприятная для души, ужасная* [3, л. 27a]. В конце рассказа Будда, сжалившись, вместе со своими сподвижниками и ее сыном-тойном стараются избавить ее от препятствий претов, но навечно они не смогли ее избавить, обретя человеческое тело, она стала навсегда нищей. Герои-люди четко делятся по полу (мужской/женский) и возрасту (взрослый/ребенок, старый/молодой): *okin* ‘девочка’, *küböün* ‘мальчик’, *zahuu* ‘юноша’, *köqšin* ‘старец’ и др. Персонажи-животные, обладающие человеческой речью, не делятся по возрасту и полу. Исключение составляет собака-сука, которая, прослушав священное Учение от Шарипутры, перерождается в дочь домохозяина, то есть при перерождениях животного в человека маркируется пол [1, л. 13b–15a].

Обозначение возраста в рассказах «Сказания нектарного Учения» важно для характера функционирования персонажа. «Старые» персонажи обычно выступают в роли советчиков, наставников и даже в роли испытателей. Так, к примеру, в рассказе о Радующемся Учению и Радующемся Греху старый хан, прежде чем выдать дочь за героя и отдать ему половину царства, испытывает его. Юноше необходимо вернуть зрение хану, собрать мешок риса, рассыпанный ханом в ущелье, а также узнать ханскую дочь среди других одинаковых девушек. В исполнении трудных задач герою помогают «благодарные животные» (лиса, змея, мышь и пчела), которых он когда-то перевез на лодке через быструю и глубокую реку [2, л. 17b–18b].

«Молодые» персонажи в рассматриваемом нами сборнике часто выступают в роли главных героев или соперников героя, они бывают мудрыми и глупыми. В одном из рассказов хан Сайн Сара, состарившись, просит своего сына вступить на ханский престол и охранять ханство от иноземных войск. Но сын, будучи просвещенным священным Учением, отказывает отцу, сказав, что у них есть враг опаснее – это их призрачные воззрения, которые можно будет победить, только уверовав в Будду и его Учение [3, л. 31a–32b]. В другом рассказе юноша по глупости и неосторожности убивает свою мать, о чем он впоследствии сожалеет, мучается и становится на путь Учения Будды [1, л. 26a–26b]. В «Сказании нектарного Учения» имеется персонаж-ребенок, родившийся после смерти матери, в чреве которой он провел шестьдесят лет. Мальчик выглядел небрежным, тощим с седыми волосами. Он был помещен в утробу матери на шестьдесят лет в течение многих своих перерождений вследствие непослушания своему духовному наставнику [3, л. 14a–15b].

Дальнейшее описание персонажей настоящего сборника осуществляется с помощью системы признаков, описывающих внутреннее и внешнее состояние персонажей и включающих оценочные категории. Рассмотрим оппозиции внутри этих признаков.

Оппозиция «живой/мертвый» встречается в разных ситуациях, где главным и второстепенным персонажам грозит смерть: человек пытается убить своего спасителя обезьяну-бодхисаттву, муравьи съедают черепаху-бодхисаттву, люди съедают слона-бодхисаттву, больной человек, питающийся человеческим мясом, съедает человека и др. В одном из рассказов владыка небожителей Хормуста испытывает хана Сайн Дурсена, который стремился постичь Учение Будды. Хормуста, превратившись в якшу, взамен за разъяснение Учения Будды требует с него кровь и мясо только что убитого человека. Хан, желая услышать Учение, отдает ему на съедение сына, жену и даже согласен отдать себя. В конце рассказа Хормуста, убедившись в истинном намерении хана, пощадил сына и ханшу, привел их к хану и сказал: «— *Yeke törölkitü maši sayin sayin kicēnggüyin zemseq batudxu üyiled ötör ilerkei Duususan Burxan bolxu boluyu kemēn zarliq bolboi*». – «Высокородженный, очень хорошо, хорошо! Укрепляй свои доспехи усердия, и ты вскоре станешь совершенным буддой» [1, л. 11a–13b].

Мертвое персонифицируется в мертвецах (люди, дети, мужья, жены, матери, друзья), в виде птиц (попугай), животных (слон, лев, заяц,

обезьяна, черепаха, собака), насекомых (пчелы), претов, частей тела (суставы, ребра, кости, голова). Знак умерщвления – это не только изрезать на куски мясо и вырвать, сломать малые ребра (оппозиция целый/расчлененный), но и сжечь кости трупа. Операторами умерщвления служат ноги человека, камень, топор, острый меч, птица – ястреб. В одном из рассказов сын хана города Варанаси после убийства отца и матери получает имя *Ese törüqsen dayisun* букв. ‘Не рожденный враг’. Столкнувшись с одним из «*пяти безпромежуточных грехов*»², попадает в самый нижний мир непрерывного ада «авичи», где существа умирают и вновь перерождаются [1, л. 26a–26b].

В «Сказании нектарного Учения» сон и наваждение эквивалентны временной смерти персонажа. Состояние сна и наваждения наступает при применении определенных операторов: волшебный конь, который уносит героя в незнакомое место, где он женится, и гибнут его дети и жена; волшебник, который развлекает героя и вводит его в иллюзорный мир. Волшебнику удается посредством волшебства создать прекрасный богатый дворец, сотворить божеств на небе, сотворить временно отсутствующих или умерших детей.

В одном из рассказов сборника болезнь и здоровье хана зависят от змеи. Змея, чтобы освободить из темницы героя, спасшего когда-то ее, в глаза хана напускает яд, а в безымянный палец героя впитывает лекарство-противоядие. В рассказах с сюжетом ATU 160 обезьяна-бодхисаттва и антилопа Ру-Ру за попытку их убить проклинают «*неблагодарного человека*», и он заболевает неизлечимой мучительной болезнью [3, л. 43a–43b].

Оппозиция «целый/расчлененный» в «Сказании нектарного Учения»: герой, убив своего противника, расчленяет его. В рассказе о юноше-калеке пятьсот разбойников желают убить безногого юношу, а его тело и кровь принести в жертву своему гению-покровителю якше (*xor ögüqči*). Юношу из рук разбойников спасает Будда Кашьяпа [1, л. 21a–24a]. В другом рассказе мужчина убивает мужа своей любовницы, расчленяет тело и сжигает его кости. Убийца, совершив грех, после смерти перерождается в существа ада (животных, макара), тело макара поедают дикие звери (*arātan*), а пятьсот якш (*xor ögüqči*) рубят его пятьюстами топорами. Его кровью заполняется

² Ойр. *tabun zabsur ügei kilince* букв. ‘пять безпромежуточных грехов’ – это убийство отца, матери, архата; пролитие крови Будды и внесение раздора в монашескую сангху.

океан, и им питаются все существа [1, л. 18а–20а].

Оппозиция «истинный/преображенный» связана с превращением (превращение божества Хормусты в якшу; превращение Будды Кашьяпы в якшу и др.), перерождением (перерождение собаки-суки в дочь домохозяина; перерождение попугая в небожителя; перерождение милосердного брахмана с женой в хозяев тысячи дворцов и храмов и др.), наказанием (перерождение жадных женщин в голодных духов – претов; заключение ослушавшегося в чреве матери на шестьдесят лет и др.) и изменением в результате колдовства (воскрешение временно отсутствующих и умерших детей). В одном из рассказов небесное божество Хормуста тенгрий воссоздает преобразенного принца из пучка травы и тем самым успокаивает осиротевших родителей. Однажды лже-принц признается: «*Xatuiq nom ünün busu xōson xudal mōni tula ödō=gē mini beye ene metu bui kemēn ögüülēd xōson öbösüni coqco bolun odboi:*» [3, л. 51b]. – «Все дхармы не истинны, пусты и ложны, подобно моему нынешнему телу, сказав так, превратился в пучок травы». Родители признали, что принц не истинный, и их страдания успокоились.

Оценочные признаки, как и показатели состояний, относятся к внутреннему миру персонажей или к их внешности. Здесь представлены оппозиции «добрый/злой», «мудрый/глупый», «красивый/уродливый», «большой/маленький», «чистый/грязный».

Оппозиция «добрый/злой» часто встречается в тексте, так как настоящий признак делит персонажей на положительных (божества, бодхисаттвы, ханы, животные и др.) и отрицательных героев (якши, эрлики, преты, шулмусы и др.), а также определяет правила их поведения (добрый герой спасает человека либо животное; приносит себя в жертву ради спасения других, подает милостыню; злой персонаж убивает или пытается убить положительного героя; мешает совершать добродетель; жадничает, не подает милостыню). Оппозиция «добрый/злой» четко проявляется в споре Радующегося Учению (*Nomdu bayasuqči*) и Радующегося Греху (*Kilincedi bayasuqči*). Спор их заключался в том, что полезней совершать добро или грех для приобретения хорошего будущего перерождения. В завершение рассказа Радующийся Учению, совершив добро, получает в награду ханскую дочь и несметные сокровища, а Радующийся Греху, совершив грехи, обеднел и обратился за помощью к Радующемуся Учению, который ему не отказал [2, л. 17b–18b].

Оппозиция «мудрый/глупый» связана с такими персонажами, как божества, бодхисаттвы,

монахи, ханы (хан Сайн Дурсен, хан Икэ Эркэту), ханский сын (сын Сайн Дурсена хана, сын Сайн Сара хана по имени Сарайн Герел, сын Йеке Терген хана по имени Бюкюни Буян), родители, помогающие советами и наставлениями главному герою. Мудрыми представлены также животные, жертвующие своим телом ради спасения других живых существ. Глупыми представлены алчный гелонг, отдавший волшебнику за иллюзорные бирюзовые четки (на самом деле это были семь шариков из шерсти, грязи и пыли) лошадь, платье и полтуши баранины; вор, который корзину с человеком-калекой посчитал за корзину с драгоценностями; жадный, ненасытный хан; неблагодарный человек, пытающийся убить или продать своего спасителя (обезьяну-бодхисаттву, антилопу Ру-Ру).

В сборнике «Сказание нектарного Учения» оппозиция «сильный/слабый» рассматривается в контексте духовной, а не физической силы персонажа. «Сильными» персонажами в рассказах выступают ханы, которые, отрешившись от материального мира, занимаются практикой буддизма, а также люди и животные-бодхисаттвы, жертвующие своим телом ради спасения других живых существ. В одном из рассказов ханский сын говорит отцу, что у них есть враг, который сильнее заморских войск:

«Военачальник – это «цепляние за „я“», его окружает войско – рождение, старость, болезнь и смерть, полководец ведет войско пятью ядами „нисваниша“³. Эту вражескую страну населяют те, кто иллюзию воспринимает за действительность. Хан ее цепляется за „я“. Сановники – это пять ядов нисваниша, войска его – это рождение, старость, болезнь и смерть; доспехи и вооружение – это десять черных грехов; меч – это главенство совершенного сомнения. Можно заранее усмирить этого врага» [3, с. 31b–32a].

В конце рассказа сын с отцом обращаются к Будде для того, чтобы усмирить своего злейшего и сильного врага. Будда просвещает их:

«В стране веры нужно дать сражение нравственности, сесть на коня усердия, облачиться в доспехи терпения и в городе самадхи держать меч мудрости, разрушать, наступая, и ждать десятию путями Учения» [3, л. 32a].

Физически сильными в сборнике представлены животные (обезьяна и антилопа Ру-Ру), кото-

³ Пять ядов «нисваниша» (санскр. *pañca kleśaviṣa*; тиб. *dug lnga*; ойр. *tabun xortu sedkil*) – пять препятствий (страсть, злоба, невежество, возбужденность, сомнение).

рые благодаря своей мощи смогли вытянуть человека из глубокой пропасти.

Оценочные признаки красивый/уродливый, чистый/грязный, большой/маленький часто отмечаются в описании персонажей. При этом отрицательные оценочные признаки персонажа, такие как *уродливый* и *грязный*, оказываются временным низким описанием, так как после прослушивания им священного Учения он перестает быть уродливым и грязным (безногий юноша, безобразного вида, в истрепанной дворовой одежде, исповедуя веру в Будду, спасается от смерти, выздоравливает и становится тойном, то есть монахом высокого ранга; человек по имени Уцукэн Хаалга, некрасивый, больной и глупый, в конце рассказа становится архатом; одна нечестивая мать из-за своей жадности в последующей жизни рождается уродливым претом (нагая, с обнаженными костями и нутром, из которых распространялось пламя, отвратительная и страшная), Будда со своими приближенными и ее верующим сыном, молясь, возвращают ей человеческое тело, однако она навеки остается «духовно убогой»). «Красивыми» персонажами в сборнике представлены небесные девы, ханские сыновья (Зе Бидо, сын Рамааны), юноши, замужние женщины. В одном из рассказов царевич, попав на материк океана Цаган Усун, во дворце с колоннами из белой раковины и украшенной яшмой видит красивую небесную деву: «*erdenibēr čimeqsen üzekü tālamjītai maši yō üzeskülengtei nige tenggeriyin okin bui*» [3, л. 37b]. – «прекрасная небесная дева, прелестная на вид и украшенная драгоценностями». Оппозиции «маленький» и «грязный» также относятся к «низкой видимости» героя. Шестидесятилетний мальчик, извлеченный из материнского чрева, выглядит маленьким, небрежным, тощим и с седыми волосами.

Предварительное описание персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного Учения» по системе, разработанной Е. С. Новик, позволяет сделать вывод, что для внутрисюжетного функционирования персонажа важным является не только то, какую роль он выполняет в данном сюжете, но и то, какими индивидуальными признаками он наделен, так как именно эти признаки соответствуют тем действиям (конфликтным ситуациям), в которых персонаж принимает участие. Спасение человека или животных из глубокой ямы, быстрой глубокой реки, из рук разбойников или от голода связано с такими признаками, как «истинный / преображенный», «добрый / злой», «мудрый / глупый», «сильный / слабый», «живой / мертвый», «целый / расчлененный» и др.; выздоровление и преображение персонажа

– с признаками «красивый / уродливый», «чистый / грязный», «большой / маленький» и др.

Индивидуальные признаки персонажа не только определяют характер сюжета, они могут меняться в ходе его развития, так как каждый персонаж – пучок признаков, которые могут легко распадаться или комплектоваться. К примеру, безногий юноша безобразного вида, веря в Будду, в конце рассказа выздоравливает и становится тойном. Данная особенность структуры персонажа делает ее удобной для функционирования по правилам сюжетного повествования произведений настоящего сборника. Полученные результаты послужат основой для дальнейшего исследования семейных, сословных и локальных состояний персонажей ойратского письменного памятника «Сказание нектарного Учения».

Список источников

1. Буддийские легенды на калмыцком языке» // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. П. 5. Д. 867. Л. 11-24.
2. Aršan nomiyn tuuji orošiboi (Сказание нектарного Учения). A collection of didactic stories (Сборник дидактических историй) // Научная библиотека восточного факультета СПбГУ. Шифр Calm. E 6. № 1917 (старый шифр: Xyl. Q 107. Oirat ms.), 43 лл.
3. Aršanī nomiyn tuuji (Сказание нектарного Учения) // Рукописный фонд Института восточных рукописей РАН. Ф. 247 (Позднеев). Шифр С 197. 64 лл.
4. Меняев Б. В. Жанровые особенности ойратского литературного памятника «Сказание нектарного Учения» // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 2011. № 1. Ч. 2(65). С. 76-78.
5. Владимирцов Б. Я. Монгольский сборник рассказов из «Rañcatantra» // Работы по литературе монгольских народов / Б. Я. Владимирцов; Редкол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; Сост Г. И. Слесарчук, А. Ц. Цендина. М.: Восточная литература, 2003. С. 79–204.
6. Ёндон Д. Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур. М.: Наука, 1989. 183 с.
7. Новик Е. С. Система персонажей русской волшебной сказки. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/novik8.htm>. (дата обращения 23.08.2023).
8. Домийн Төмөртоого Монгол хэлний үгийн гаралын тайлбар толь (Этимологический словарь монгольского языка). Улаанбаатар: Адмон Принт, 2018. 445 с.
9. Домийн Төмөртоого Монгол хэлэнд орсон гадаад үгийн хураангуй тайлбар толь (Краткий толковый словарь заимствованных слов монгольского языка). Улаанбаатар: Адмон Принт, 2018. 199 с.
10. Ойратский словарь поэтических выражений / факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, при-

ложения Н.С. Яхонтовой. Москва: Восточная литература, 2010. 615 с.

11. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. АН СССР. Ин-т языкознания. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1969. XXXVIII, 676 с.

12. Видения буддийского ада / Предисловие, перевод, транслитерация, примечания и глоссарий А. Г. Сазыкина. СПб: издательство А. Теретьева «Нартанг», 2004. 256 с.

13. Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 519 с.

14. Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. 1. М.: Наука, 1981. 377 с.

15. Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо) / Пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. М.: Наука, 1978. 326 с.

References

1. *Buddiiskie legendy na kalmytskom yazyke* [Buddhist Legends in the Kalmyk Language]. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 10. P. 5. D. 867. L. 11–24. (In Oirat)

2. *Aršan nomiyin tuuji orošiboi* [The Tale of the Nectar Teaching]. (Sbornik didakticheskikh istorii) Nauchnaya biblioteka vostochnogo fakul'teta (Collection of didactic stories). SPbGU. Shift Calm. E 6. No. 1917 (st. kod: Xyl. Q 107. Oirat ms.), 43 p. (In Oirat)

3. *Aršāni nomiyin tuuji* [The Legend of the Nectar Teaching]. (Skazanie nektarnogo Ucheniya). Rukopisnyi fond Instituta vostochnykh rukopisei RAN. F. 247 (Pozdneev). Code 197. 64 p. (In Oirat)

4. Menyayev, B.V. (2011). *Zhanrovye osobennosti ojratskogo literaturnogo pamjatnika "Skazanie nektarnogo Ucheniya"* [Genre Features of the Oirat Literary Monument "The Legend of the Nectar Teaching"]. B. V. Menyayev. Nauchnaya mysl' Kavkaza. No. 1, chast' 2(65), pp. 76–78. Rostov-na-Donu, izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly. (In Russian)

5. Vladimirtsov, B. Ya. (2003). *Mongol'skij sbornik rasskazov iz "Pañcatantra"* [Mongolian Collection of Stories from "Pañcatantra"]. Raboty po literature mongol'skikh narodov. B. Ya. Vladimirtsova. Redkol.: V. M. Alpatov (pred.) i dr.; sost. G. I. Slesarchuk, A. Ts.

Tsendina. Pp. 79–204. Moscow, Vostochnaya Literatura. (In Russian)

6. Yondon, D. (1989). *Skazochnye sjuzhety v pamyatnikakh tibetskoi i mongol'skoi literatur* [Fairy Tales in Monuments of Tibetan and Mongolian Literature]. D. Yondon. 183 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

7. Novik, E. S. *Sistema personazhey russkoy volshebnykh skazki* [System of Characters of the Russian Fairy Tale]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/novik8.htm> (accessed: 23.08.2023). (In Russian)

8. Domiin Tomortogo (2018). *Etimologicheskij slovar' mongol'skogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Mongolian Language]. Domiin Tomortogo. 445 p. Ulaanbaatar, Admon Print. (In Mongolian)

9. Domiin Tomortogo (2018). *Kratkii tolkovyi slovar' zaimstvovannykh slov mongol'skogo yazyka* [A Short Explanatory Dictionary of Borrowed Words of the Mongolian Language]. Domiin Tomortogo. 199 p. Ulaanbaatar, Admon Print. (In Mongolian)

10. *Oiratskii slovar' poehticheskikh vyrazhenii* (2010) [Oirat Dictionary of Poetic Expressions]. Faksimile rukopisi, transliteratsiya, vvedenie, perevod s oiratskogo, slovar' s kommentariyami, prilozheniya N. S. Yakhontovoi. 615 p. Moscow, Vostochnaya literatura. (In Oirat, in Russian)

11. *Drevnetjurkskii slovar'* (1969) [Ancient Turkic Dictionary]. Red. V. M. Nadelyayev et al. AN USSR. In-t yazykoznaneya XXXVIII, 676 p. Leningrad, Nauka. (In Turkic, in Russian)

12. *Videniya buddiiskogo ada* (2004) [Visions of Buddhist Hell]. Predislovie, perevod, transliteratsiya, primechaniya i glossarii A. G. Sazykina. 256 p. St. Petersburg, izdatel'stvo A. Teret'eva "Nartang". (In Russian)

13. Neklyudov, S. Yu. (2019). *Fol'klorny landshaft Mongolii. Mif i obryad* [Folklore Landscape of Mongolia. Myth and Ritual]. S. Yu. Neklyudov, 519 p. Moscow, Indrik. (In Russian)

14. Rerikh, Yu. N. (1983). *Tibetsko-russko-anglijskii slovar' s sanskritskimi parallelyami* [Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels]. Yu. N. Rerikh. Vol. 1. 377 p. Moscow, Nauka. (In Tibetan, in Russian)

15. *Sutra o mudrosti i gluposti (Dzanlundo)* (1978) [Sutra on Wisdom and Folly (Zanlundo)]. Per. s tib., vved. i komment Yu. M. Parfionovich. 326 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 18.11.2023

Поступила в редакцию 18.11.2023

Меняев Бадма Викторович,

специалист,

Калмыцкий государственный университет

имени Б. Б. Городовикова,

358000, Россия, Элиста,

Пушкина, 11.

orcid.org/0000-0002-9205-4537

Scopus Author ID: 57219295236

Researcher ID: 616985

bmeyayev@mail.ru

Menyayev Badma Viktorovich,

specialist,

Kalmyk State University

named after B. B. Gorodovikov,

11 Pushkin Str.,

Elista, 358000, Russian Federation.

orcid.org/0000-0002-9205-4537

Scopus Author ID: 57219295236

Researcher ID: 616985

bmeyayev@mail.ru